

VII Конвент РАМИ

В конце сентября в МГИМО-Университете состоялось одно из ключевых событий в науке о международных отношениях и мировой политике России – очередной VII Конвент Российской ассоциации международных исследований. В период проведения мероприятий Конвента 28–29 сентября Университет посетило более одной тысячи гостей. Пленарное заседание Конвента 28 сентября открыл президент РАМИ, ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН А.В. Торкунов, обратив внимание участников заседания на актуальность и научно-практическую значимость тематики открывшегося Конвента «Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста».

Заместитель министра иностранных дел России С.А. Рябков в своем докладе остановился на основных проблемах внешней политики Российской Федерации и системы международных отношений в целом. Декан факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ А.Ю. Мельвиль выступил с докладом о качестве институтов как ключевом приоритете на современном этапе российской модернизации. Директор ВЦИОМ В.В. Федоров поделился с участниками Конвента результатами исследования взглядов россиян на место и роль России в современном мире.

В ходе пленарного заседания также выступили: президент Ассоциации международных исследований (International Studies Association) Э. Солинген (США); исполнительный секретарь Всемирного комитета международных исследований (Словения) Б. Бучар; директор Центра польско-российского диалога и согласия (Польша) С. Дембский; директор фонда «Российско-польский Центр диалога и согласия» П. Стегний.

В рамках Конвента работали 23 секции:

- «Международно-политические и правовые аспекты реализации интеграционных проектов с участием Российской Федерации»;
- «Латинская Америка: парадигмы модернизации в контексте глобальных вызовов современности»;
- «Креативная дипломатия»;
- «Финансовый кризис и политэкономия международных отношений»;
- «Социология массовых коммуникаций»;
- «Российско-американские отношения в контексте выборных циклов»;
- «Интернет технологии в международных исследованиях»;
- «Специальная секция РАПН»;
- «Кризис в Европе: пути и формы выхода»;
- «Испания»;
- «Межкультурная коммуникация»;
- «Мировая энергетика: воздействие кризиса»;
- «Безопасность: традиционные и новые формы военной активности»;
- «Международная журналистика – кризис жанра, кадровый кризис?»;
- «Устойчивое развитие и экология»;
- «Внешинополитические ресурсы России: восточноевропейский вектор»;
- «Украинистика»;
- «Социально-гуманитарные и образовательные ресурсы внешней политики»;
- «Стратегии великих держав»;
- «Арабская весна»;
- «Миграция: источники, причины, регулирование»;
- «Финансирование международного развития: инновационные подходы»;
- «Международный лоббизм и противодействие коррупции».

В рамках Конвента состоялись заседания трех «круглых столов» по темам: «Модернизация в истории и теории мировой политики и мировой экономики»; «Россия в многосторонних институтах глобального управления»; «Международное право и современные теории международных отношений: проблема сочетаемости».

Выступление президента РАМИ, ректора МГИМО(У) МИД России, академика РАН А.В. Торкунова

Уважаемые коллеги, гости VII Конвента РАМИ!

Традиционно при формулировании темы Конвентов мы стараемся сочетать в ней как устойчивые, фоновые составляющие, так и «модные» компоненты. Полтора года назад модернизация нам казалась именно таким компонентом. Сейчас ясно, что она переходит в ряд фоновых, но от этого – не менее важных тенденций общественного развития. Скорее наоборот, мировые реалии заставляют задаться вопросом, насколько процессы модернизации могут упреждать негативное развитие событий в отдельных обществах, регионах, международной системе в целом.

Формально-организационная структура нашего Конвента явствует из Программы, содержательно же он охватывает три элемента:

– внешнеполитические ресурсы – как совокупность потенциала и инструментария, доступного государству для реализации внешнеполитических целей;

– модернизацию – процесс сознательного, часто вынужденного, как правило, ускоренного по сравнению с характерной для общественных систем динамикой, реформирования экономического, политико-правового, а зачастую и социокультурного укладов;

– международную среду – ограниченное доступными для практического анализа ретроспективой и перспективой состояние междуна-

родной системы, ее региональных компонентов и функциональных сфер.

Если несколько упрощать ситуацию, то два года между прошлым и нынешним Конвентами и два года до следующего – вот временные горизонты нашей сегодняшней дискуссии!

Российская практика внешнеполитического прогнозирования и планирования, к сожалению, уделяет не самое большое внимание оценке внешнеполитических ресурсов, считая их некоей константой. В этой ситуации даже при правильно сформулированных национальных интересах внешнеполитические цели становятся расплывчатыми и зачастую недостижимыми.

Мы сознательно обратили внимание на те элементы ресурсов, которые в последние годы испытывают наибольшую степень коррекции и постарались посвятить их обсуждению работу отдельных секций.

Действительно, миграционные процессы как на постсоветском пространстве, так и внутри самой России меняют демографический потенциал страны, добавляют новые черты в гуманитарно-культурный ее ландшафт, что объективно не может не сказываться на проведении и восприятии внешней политики и международных событий.

Возрастает значение межкультурной коммуникации. Так, я с огромным интересом, а где-то и с озабоченностью прислушивался к тем оценкам, которые давались и даются «арабской весне», в частности, событиям в Сирии, Ливии

российскими государственными деятелями, сенаторами, представляющими мусульманские республики. Эти оценки иначе нюансированы, чем привычные в московском или питерском истеблишменте подходы.

Если к главному и фактически эксклюзивному институциональному ресурсу России в начале 1990-х годов относилось участие в Совете Безопасности ООН и других институтах ООНовской же семьи, то последующие двадцать лет были посвящены сознательному расширению нашего институционального присутствия на международной арене. Сейчас трудно себе представить нашу страну вне Совета Европы, МВФ, Группы Всемирного Банка, АТЭС, «Большой восьмерки». Важнейшим шагом включения в современные многосторонние отношения стало присоединение к ВТО.

Россия сама стала инициатором и соавтором нового институтостроительства, несомненными достижениями которого стали СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС/Таможенный Союз, БРИКС, Форум стран экспортеров газа (ФСЭГ), ряд субрегиональных структур.

Отдельным компонентом институциональных ресурсов является способность или неспособность государства или интеграционного союза формировать вокруг себя на соседних пространствах режимы общей экономической практики, социально-политических и правовых стандартов. Например, ЕС это удается, насколько это удастся Россия – вопрос для обсуждения?

Россия пусть медленно, пусть за счет успехов в отдельных нишах, прежде всего не самого высокого промышленного передела, но увеличивает свою долю в мировой экономике. Экономический потенциал не просто усиливает роль страны на международной арене, но и заставляет диверсифицировать внешнюю политику. Чем в большем количестве рыночных секторов представлена Россия на европейском, постсоветском пространстве, тем более детальной, сложной становится российская внешняя политика.

Очевидно, что это происходит под влиянием различных групп интересов, в результате в России и в отношениях России с внешним миром складывается современная система внешнеполитического лоббизма. Этот феномен, не самый публичный и в западных международных исследованиях, у нас фактически не исследован.

Для России по-прежнему огромную роль в экономических ресурсах играет энергетическая компонента, которая оказывается подверженной серьезным вызовам, связанным с появлением или ожиданием появления новых источников, видов энергетического сырья, маршрутов его транспортировки.

Очевидно, что традиционная военная составляющая внешнеполитических ресурсов подвержена значительной эволюции. Она также измеряется не только количественными пара-

метрами, но и качественным составом внешнеполитического сообщества, новыми формами военной активности, будь-то пиратство или частные военные компании.

К внешнеполитическим ресурсам мы уже традиционно причисляем «мягкую силу». Наверное, это правильно. Однако следует различать объективную притягательность современной России, которая складывается из огромного рынка, относительно высоких (по сравнению с некоторыми ближайшими соседями) стандартов жизни и комфортности культурного существования в русскоязычной среде для жителей окружающего ареала, от механизмов управления «мягкой силой».

Здесь дело обстоит гораздо хуже, хотя у нас появились за последние годы новые структуры публичной дипломатии (РСМД, Фонд Горчакова, российско – польские центры), а относительно привычных структур («Россотрудничество») существуют серьезные планы их реформирования.

Правда, следует отметить, что публичная дипломатия и «мягкая сила» только тогда достигают своего идеала, когда страна обладает притягательной для внешнего мира идеей или идеологией. Это ресурс эксклюзивный – он в полной своей мере проявлялся у революционной и наполеоновской Франции, молодого Советского государства, в виде «американской мечты» поколения 1940-1960-х гг., отчасти в идеологии интеграционного европеизма, к сожалению, в идеологии воинствующего ислама.

Но не стоит отчаиваться, идея может обладать и притягательностью регионального масштаба. Так, концепт, а главное эвентуальная практика «Русского мира» имеют шансы на успех.

Модернизационную составляющую в обсуждениях нашего Конвента я бы предложил рассмотреть в двух аспектах.

Модернизация – как ответ на внешние обстоятельства. Россия знала несколько волн такой модернизации – это периоды, пришедшиеся на правления Алексея Михайловича и Петра I, Александра II; прерванная волна столыпинских реформ; советские модернизации 1920-х и рубежа 1950-1960-х годов. Международные источники этих модернизаций, равно как корейской, южноазиатской, японской, иранской – хорошо известны. В этой связи нам стоит подумать над тем, работает ли этот фактор в глобальном мире?

Как ни парадоксально, но единственная масштабная модернизация, которую мы наблюдаем в последние двадцать лет, зародилась еще в недрах биполярной системы. Индийские, латиноамериканские попытки выйти на модернизацию в лучшем случае оборачиваются – применим советский термин – «ускорением научно-технического прогресса». Развитие нашей страны также, думаю, описывается пока в других терминах – иначе руководству не нужно было бы ставить задачу модернизации.

■ Международные отношения

Другой аспект модернизации – непосредственная роль иностранцев, иностранного участия, иностранного бизнеса и заимствованной экономической и правовой практики. Грубо говоря, это – роль Немецкой слободы, европейских сэттльментов в Китае и Японии, европеизированной шахской семьи в Иране и их современные аналоги. При этом, как только мы говорим об аналогах, сразу обнаруживается, что формально закрытых для внешнего влияния стран в современном мире ничтожное число. Гораздо больше тех, где формальное наличие внешней модернизационной «закваски» к модернизации не ведет.

Вполне возможно, что это феномен глобального рынка: как на любом рынке, здесь есть разные качественные и ценовые сегменты. Возможно, глобальному рынку только люксовые и высококачественные сегменты не нужны, а модернизация фактически резервируется только для избранных?

И о международной среде. Здесь в нашей дискуссии главное – не сбиться на примитивный нарратив. Иначе мы просто друг другу расскажем о кризисе, о пострадавших Испании и Греции, о незадачливых арабских автократах и о все большем устаревании международного права в его версии, придуманной для прошлой эпохи.

В нашем же случае скорее нужно посмотреть на другое. Например, на огромную диверсификацию форм выхода из кризиса и на предварительные его итоги для разных групп стран. При этом осознавать, что это первый кризис, который переживает Россия не просто

как субъект глобальной экономики, но и как полноправный участник многосторонних экономических институтов. Кризис 1997–1999 гг. по-иному выглядел для все еще «переходной» России.

Относительно «арабской весны» стоило бы задаться вопросом о том, не является ли она примером реверсного развития? Ведь на смену пусть и диктаторским, но светским режимам приходят религиозные идеологи. Почему для Тропической Африки мы допускаем факт экономического регресса как способа существования, а политический регресс в арабском мире нам кажется невозможным?

Последние два десятилетия родили огромное количество, в том числе и проживших очень недолго теорий или квазитеорий мировой политики. Но почему они, за исключением уже банальной «гуманитарной интервенции», не отлились в формулы международного права, а международники-политологи действуют в отрыве от прагматического мира юристов?

Суммируя, можно сказать, что модернизация и провоцируется, и ограничивается контекстом мирового развития. При этом модернизируемая страна очевидно меняет свою роль в международных процессах, формирует вокруг себя иную сеть содержательных связей, по-иному начинает воздействовать на международную среду.

Полагаю, что анализ этих взаимозависимостей и станет предметом обсуждений в секциях и на «круглых столах» Конвента.

Torkunov A. V. Speech at the Plenary Session of the 7th Convention of RISA.